

МАРКСИЗМ И СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Цветков Г.С.

*Цветков Георгий Семёнович - доктор философии, руководитель,
Центр социальных исследований (ЦСИ) "Пардаугава", г. Рига, Латвийская Республика*

Аннотация: социалистические идеи равенства и социальной справедливости не могли бесследно исчезнуть ни в современной Латвии, ни где-либо ещё. Вместо формирования сбалансированного демократического гражданского общества власть подминает под свои «гуманистические» либеральные ценности экономическую и социальную жизнь людей, хватаясь при этом часто за псевдонаучные изыскания и дискредитируя историю как науку.

Толерантность как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога остаются пока недостижимыми, хотя и по разным причинам, как для западноевропейских, так и для восточноевропейских стран. Неблагополучно и с экологией Земли. Глобальные изменения климата и здоровья людей носят угрожающий характер и требуют незамедлительного внимания. Нам всем предстоит искать для нашего современного и, прежде всего, европейского общества «системный баланс» свободы, справедливости и эффективности в условиях глобального кризиса идеологии либерализма. Причём идеологию будущего нельзя рассматривать как абстракцию в отрыве от техноэкономических и биотехнических факторов, их эффективности и безопасности (ядерная и термоядерная энергетика, биогенная инженерия, космизм техносферы, ноосферная реальность и др.).

Ключевые слова: всемирная история общества, учение марксизма, научная ревизия, национал-социализм, современный либерализм, экологический консерватизм, кризис идентичности, системные аспекты и анализ истории.

Уваж. читатель! Начну с того, что я как специалист философских вопросов естествознания - логики и методологии современной науки, являюсь убеждённым сторонником методологии марксизма и считаю марксизм наукой, подверженной тем или иным коллизиям, но не догмой и не религией [2, 3].

В научном мире считается естественным и закономерным подвергать критике своих предшественников, без лишних эмоций сознавая, что новое поколение учёных может пересмотреть выводы или даже сами принципы, считающиеся в данный момент бесспорными. Разве теория относительности и квантовая физика не являются основательной ревизией принципов классической механики и всей физики XVII - XIX веков [2, с. 7]?

Основоположники марксизма, создавая своё учение, как раз и подвергли беспощадной научной критике многочисленные теории своих предшественников. Остриё их критики было направлено против догматических представлений о вечности частной собственности на орудия и средства производства, вечности и, так сказать, естественности социального неравенства, классового строя общества, существования малоимущего и даже неимущего населения. Мы не стремимся догматически предвосхитить будущее – утверждал Маркс – а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир.

Проанализировав всё лучшее, что было создано к тому времени в Европе классической философией, политэкономией и утопическим социализмом, Карл Маркс сформулировал в 1845 году в «Тезисах о Фейербахе», что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [1, с. 3].

По Марксу, люди сами творят свою историю, являясь одновременно и актёрами (*объектами*) и авторами (*субъектами*) всемирно-исторической драмы, творя историю в революционной практической деятельности на основе существующих объективных условий в системе общественных производственных отношений. Развитие человеческой культуры К.Маркс представлял как процесс «*опредмечивания*» и «*распредмечивания*» человеческих сил и способностей. Когда человек создаёт новую форму или предмет культуры, он «*опредмечивает*» себя в ней, напротив, когда усваивает, открывает для себя нечто из «копилки» человеческого опыта, то «*распредмечивает*» чьи-то способности и результаты чьей-то деятельности.

Предметы культуры и воплощенные в них смыслы (*включая орудия, инструменты, приборы, произведения архитектуры, художественные, научные, философские и иные тексты*) существуют объективно, но в то же время предполагают субъектов с их субъективным миром. Во-1-х, ведь именно субъекты создают предметы культуры и их смыслы. Во-2-х, объективные смыслы, в том числе и те смыслы, которые пока никем не осознаются, могут существовать лишь постольку, поскольку имеются субъекты, способные их выявить, сделать собственным достоянием. И, в-3-х, если таких субъектов по каким-то причинам не имеется (*погибли, забыли язык, на котором написаны тексты и т.д.*), объективность предметов

культуры превращается в объективность физических вещей, а их объективные смыслы утрачиваются [3].

Вместе с тем в развитии человека в условиях капитализма К. Марксом была вскрыта проблема и сформулирована концепция, так называемого, социального отчуждения, когда *«собственное деяние человека становится для него чуждой противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над нею»*. Согласно К. Марксу человек для преодоления «отчуждения» должен «присвоить» себе весь социальный мир, сделать его своим, превратиться в деятельного, «целостного», «универсального» индивида.

Минувший XX век принёс миру как новые формы социального освобождения и раскрепощения человека, так и новые, даже извращённые формы социального отчуждения человека и, особенно, в сфере «обработки людей людьми». Если Маркс в рамках своего гуманистического проекта говорил о возможности и необходимости снятия отчуждения на пути социалистического преобразования, то в СССР была создана целая система отчуждения от человека репрессивной государственной машины [3]. Хотя в соответствии с учением Маркса человек является высшей целью развития и должен быть освобожден от всяких форм отчуждения, путь к этому освобождению лежит через насилие, через подавление и уничтожение целых классов, через диктатуру [3].

Сейчас уже нередко забывается, что сам Запад не считал нацизм (или точнее, национал - социализм) преступной идеологией вплоть до конца 2-й мировой войны и осуждения нацизма Трибуналом. Наоборот, в ней – идеологии, видели яркое отражение западных ценностей и надеялись как на спасение от коммунизма. Нацизм и близкий к нему фашизм виделись как некое начало, возрождающее истинно европейский боевой дух, уже почти утерянный под воздействием финансового капитализма. Они, как форма общественного устройства и идеология, казалось, давали надежду на преодоление классовых противоречий и объединение Европы на основе традиционных консервативных ценностей, осмысленных в каждой стране как исконно национальные.

По словам Адольфа Гитлера в «Майн Кампф», марксистская социал-демократия натравливает социально деклассированные слои общества на собственных сограждан, что... ослабляет нацию... Зачинщиками мирового заговора по Гитлеру были большевики, социал-демократы и евреи. Марксизм, претендовавший на мировое господство, был, по мнению Гитлера, не «пангерманским», а «еврейским проектом» [7].

Сами бесчеловечные практики нацизма принципиально не отличались от того, чем привычно занимались европейские народы в колониях. Расовый подход был нормой западных обществ. В Америке расовое законодательство просуществовало до 1960-х годов, а антисемитизм с его весьма жёсткими мерами был вообще в многовековой европейской традиции. И нет ничего в том удивительного, что нацизм так долго не воспринимался как что-то недопустимое. Наш ужас от нацизма и близкого к нему фашизма – специфически русский или советский, он не западный. Победители в Нюрнберге, и, прежде всего, СССР, диктовали условия будущего мира и заставили мировое сообщество осудить нацизм и отказаться от того, что ещё недавно казалось выражением европейских ценностей.

Несколько десятилетий западные народы пытались обрести новый политический образ на основе только части своей культуры, актуализированной европейской либеральной и социалистической мыслью. И они смогли это сделать, смогли создать новую западную идеологию и вновь почувствовать себя вершиной человеческого прогресса (*несмотря на «дань» исторической вине немецких авторов, затрагивающих тему национальных отношений*).

Восточноевропейские народы, включая Латвию, после Нюрнберга, в отличие от западных народов, прошли исторически другой путь. При жёсткой авторитарной советской системе, эмигрировавшей на Запад нацистской коллаборационистской части, тем более, прошедшей лагеря и ссылки оставшейся части - по сути, не коснулась денацификация и чувство «исторической вины», и они после развала СССР ощутили «наркотический вкус» национального возрождения и политического реванша. «Мы не стали ярко выраженными демократами, и против мыслящих иначе мы часто думаем даже хуже, чем в Советском Союзе. Это не та демократия, когда мы признаём права других, уважаем думающих иначе и так далее...» - признаёт латвийский политолог Кристиан Розенвалдс [8].

Более того, если мы, например, спросим, к кому россияне относятся хуже – к ветеранам ОУН-УПА в Украине и их балтийским «коллегам» Ваффен СС или к бывшим солдатам Вермахта – к немцам нет ненависти, потому что Германия эту страницу своей истории не прославляет, а напротив, считает её позорной и стремится доказать, что такое никогда не повторится вновь. Конец холодной войны, перестройка с её реабилитациями и разоблачениями, распад СССР, «война исторической памяти», которая развернулась на постсоветском пространстве между национальными государствами, - это всё породило масштабное переписывание истории, «срывание масок», «закрытие белых пятен» и т. д. Это всё породило и серьёзный кризис идентичности в постсоветских восточноевропейских странах, когда люди затрудняются с ответами на вопрос *«кто мы, зачем мы и каково наше место в мире?»*, хватаясь за вроде очевидные, но чаще ложные

ответы псевдоисторических изысканий (*непрерменно отвергая аналогичные, тоже часто не лучшие изыскания соседей*).

Задача истории, как и любой науки, состоит в том, чтобы обозреть изучаемый предмет или объект целиком. Следовательно, нужно найти или выбрать удобную точку отсчёта или позицию для обозрения, и тут возникает необходимость концепции, предваряющей научную практику, то есть, по Гумилёву и Тойнби, выбор аспекта или модели. Так, например, Маркс впервые обратил столь серьёзное внимание на аспект и роль экономики в социальной жизни, дав толчок для развития, так называемой, «экономической истории» людей. Согласно Т. Куну, та или иная концепция - парадигма задаёт стереотипы восприятия и описания, поэтому овладевший парадигмой учёный может непосредственно воспринимать некоторые теоретические сущности (*например, по показаниям амперметра, учёный видит не просто движение стрелки, но силу тока в цепи*) [4].

В свою очередь, в нашем исследовании будем считать аспекты или модели системными, концептуально - логически или исторически, связываемые нами с тем или иным системным представлением объекта. Самим объектом могут быть существующие в пространстве и времени физические вещи или реальность, объективно реальные ситуации (в т.ч. тело субъекта и он сам в целом, состояние его сознания, другие люди и т.д.), а также предметы культуры, включая тексты, и присущие им объективные смыслы.

Аспект изучения или некоторая модель не вытекают из того или иного философски-методологического построения, а диктуются исключительно практическими соображениями решаемой задачи и наличным «техническим инструментарием». А основные сомнения, например, у А.Тойнби - идеально ли подходит выбранная модель для поставленной задачи исследования истории, и нельзя ли будущему учёному посоветовать лучшую? [10, с. 30].

О прошлом можно судить на основе изучения его «следов» в настоящем, т. е., тех предметов, которые возникли давно, но не исчезли вместе с прошлым, а дошли до нашего времени. Это могут быть разного рода сооружения (*например, египетские пирамиды, Кремль в Москве, Парфенон в Афинах*), предметы, использовавшиеся в различных видах деятельности (*остатки посуды, ножей, наконечники стрел, воинские доспехи и др.*), предметы религиозного поклонения и произведения искусства (*иконы, скульптуры, портреты, украшения и т. д.*). Деловые документы (*донесения, записи хозяйственной деятельности и др.*), и наконец, специальные описания исторических событий (*хроники, летописи*) и воспоминания современников [3].

Историк должен выбирать и описывать исторически значимые факты или всё многообразие примеров, нуждаясь в критериях выбора и языке их описания. Эти критерии в общем случае зависимы от предшествующей концепции - парадигмы или мировоззрения, где, например, единицей истории – духовной действительности принимается «*общественно-экономическая формация*» у К. Маркса, в одном случае, или так называемая «*прогрессивная цивилизация*» у А. Тойнби, в другом.

В теории исторической мысли издавна сложились концепции, бытующие и сегодня: культурно-историческая», всемирно-историческая и общественно-экономическая (формационно-историческая). Первая культурно-историческая концепция была впервые декларирована Геродотом, который противопоставил Европу Азии. Здесь под Европой он понимал систему эллинских полисов, а под Азией – персидскую монархию (*впоследствии сюда пришлось добавлять и другие культурно-исторические области, в том числе, Индию и Китай*).

Вторая концепция трактует историю народов как единый процесс прогрессивного развития, более или менее захвативший все области, населённые людьми. Впервые она была сформулирована в Средние века как концепция «четырёх империй» прошлого: ассирийской, персидской, македонской, римской, и пятой – «Священной Римской империи германской нации», возглавившей вместе с папским престолом католическое единство, возникшее в Западной Европе на рубеже VIII - IX вв. [9, с. 187].

Когда же в XIV – XVI вв. Реформация разрушила идеологическое единство Западной Европы и подорвала гегемонию Габсбургской династии, всемирно-историческая концепция устояла и была просто переформулирована. Теперь прогрессивной была признана «цивилизация», под которой понималась культура опять-таки Западной романо-германской Европы, причём бывшие «язычники» и православные «схизматики» были просто переименованы в «дикие» и «отсталые» народы. Эта система «европоцентризма» в XIX веке до Маркса воспринималась как сама собою разумеющаяся и не требующая доказательств [9, с.188]. Согласно Арнольду Дж. Тойнби и его концепции возникновения «*цивилизаций*», опубликованной между 1934 и 1961 г.г., единицами всеобщей истории стали считаться «*общества*», делящиеся на «*примитивные*» неразвивающиеся и «*цивилизации*», которых им было в истории насчитано 21 (*впоследствии сокращено до 13*) [10, с. 25].

Для лучшего понимания всемирной истории и генезиса мировой цивилизации в научной литературе (*конечно, с позиций того же европоцентризма*) были выделены переходные эпохи, выводящие из одной формации и подводящие к другой. Это «*древность или эллинизм*» как время перехода от Древности к

Средневековью (1); «*возрождение или ренессанс*» как время перехода от Средневековья к Новому времени (2); и с середины XIX века – «*переход от Нового времени к Новейшему*» (3). Каждая из трёх эпох открывается придающим «зримость» индикатором эпохи – литературным шедевром, возвестившим о её наступлении. О первой эпохе возвестил трактат «*О граде Божиим*» Блаженного Августина, о второй – «*Божественная комедия*» Данте Алигьери, и о третьей эпохе, незаконченной с первыми полётами человека в космос и на Луну – «*Коммунистический манифест*» Карла Маркса (Н.И. Конрад, Л.Н. Гумилёв) [9, 11].

Основное направление исторического процесса уроженец Риги академик Николай Конрад видел в укрупнении народов и расширении «ареала» их культуры, одновременно признавая «полицентричность» генезиса мировой цивилизации и наличие локальных самобытных черт в развитии народов. «*Всякое осмысление человеческой истории по необходимости строится на том, что мы выводим из пережитого человеческого опыта и что на этой основе мы можем предвидеть в будущем*» [11, с.2]. Нагляднейшим примером того, как выдающиеся умы своей эпохи в преддверии революционных переворотов умеют предвидеть будущее, служит вся деятельность Маркса и Энгельса [11], «...всё дело сводится к тому – предупреждал Ленин - чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно - исторический процесс развития экономических формаций. Однако остаётся «большой» вопрос Льва Гумилёва: «...не является ли наше время – эра технической цивилизации – особой эпохой, к которой неприменимы закономерности, открытые при изучении истории, а не современности?» [9, с.238].

«Нечего и говорить - пишет академик Н.Конрад - что наше понимание прошлого зависит от объёма и уровня наших знаний. Но то и другое всегда относительно, всегда исторично. Что можем мы сейчас... сказать о нашем знании прошлой истории человечества? Только то, что оно очень велико, гораздо больше того, что люди знали во второй половине XIX века во время К. Маркса и Фр. Энгельса. Полагать, что в дальнейшем оно не будет ещё полнее, можно лишь допуская мысль о деградации человеческого рода» [11, с. 2]. Глубокий анализ общих закономерностей и особенностей исторического развития стран Азии и Европы позволил академику «осудить» «европоцентризм», содержащийся в работах многих европейских учёных [12].

Вступив в новое тысячелетие, человечество обнаружило себя в ситуации, подобной которой не было никогда. Перед человечеством во весь рост встала огромная задача поиска выхода из надвигающихся кризисов (*роста народонаселения, ограниченности ресурсов, загрязнения среды и изменения климата, глобализации и др.*). Для их решения мыслителями разных направлений и стран предлагаются разные пути. Как российский пример, системность и историзм мышления позволили философу - естественнику В. Вернадскому создать систему, т.н., естественнонаучного «антропокосмизма» или «русского космизма», перейдя от «*геохимии*» к «*биосфере*» и, далее, к «*ноосфере*» Земли и «*ноосферному мировоззрению*» [13, 14].

Ноосферное мировоззрение и само учение В. Вернадского и П.Тейяра де Шардена о ноосфере как сфере разума, возникшей на определённой стадии эволюции биосферы, в качестве главной своей аксиомы признают особую роль человека во Вселенной как существа, обладающего разумом и волей, жизнь которого имеет смысл и предназначение, а не является пустой игрой стихийных сил природы [9, 13]. Академик В. Вернадский связал среду – биосферу с разумом человека, влияющим на природные процессы, в понятие «ноосфера». Естественно, мировоззрение академика Вернадского, исходящее из того, что наука, религия и философия суть три фундаментальные и независимые формы Разума, плохо вписывалось в рамки диалектического материализма эпохи СССР.

Другой социальный мыслитель и историк Макс Вебер считает, что возникновение западноевропейского капитализма в значительной степени связано с появлением религии протестантизма. Протестантизм учит, что богатство, нажитое не путем разбоя, а праведным трудом, является богоугодным, что человек должен полагаться, прежде всего, на себя, на свою энергию и предприимчивость, что религиозно оправданным является такое использование капитала, когда он не транжируется, а вкладывается в дело. Причину различного поведения представителей вероисповеданий следует искать – пишет Вебер - как в устойчивом внутреннем своеобразии устройства того или иного вероисповедания, так и в его внешнем историко-политическом положении [15, с. 22].

Наш современник и выдающийся специалист в области истории и географии Лев Гумилев предложил еще одну общую теорию исторического процесса. Согласно Гумилеву, главными в истории являются те процессы, которые как бы объединяют биологические и социальные явления. Каждый народ может быть рассмотрен в качестве такого объекта как «этнос», т. е., некий «сплав» общих генетических особенностей, передаваемых по наследству, и определенной культуры, наследуемой, так сказать, социально, которая биологически по наследству не передается, но усваивается новыми поколениями через традиции, предания, другие способы воспитания и обучение.

Книга Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» была подготовлена к изданию в 1979 году, но как теория отвергнута советской официальной наукой,

хотя хорошо объясняет многие эпизоды истории народов Земли. Так, в результате раскола в русском этническом поле при возникшей 4 века назад Украинской греко-католической церкви получилось то, что Лев Гумилёв называет «этнической химерой» (*по аналогии с химерами в зоологии*). «Это не просто соседство и не симбиоз, а химера, т.е. *сочетание в одной целостности двух разных несовместимых систем*» [9, с. 380]. При этом надо помнить, что украинский этнос складывался во многом насильственно, по воле сменяющих друг друга властей. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая греко-католический запад от православия, проходит по центру Украины уже несколько столетий.

Агрессивные химеры порождают «*антисистемы*» как «системные целостности людей с негативным мироощущением», творящих зло сознательно и даже часто с вдохновением, во имя каких угодно оправдывающих творимое зло абстрактных целей (*наиболее известной и мощной антисистемой является нацизм, а на Украине в XX веке антисистема «отметилась» в зверствах Волынской резни*).

Коммунисты в СССР искренне полагали, что все народы растворятся в такой новой исторической общности людей как «советский народ», но этногенез – процесс длительный, а искусственно можно сотворить лишь химеру, что и получилось с Украиной. «В трудах основоположников марксизма содержится программа системного подхода к пониманию исторических процессов, но к этногенезу она ещё не применялась» [9, с. 44].

Русская народная история (или «*общерусская народная стихия*») видному историку XIX века Н.И. Костомарову, в отличие от государственника Н.Г. Карамзина, виделась как история противоборства двух начал – федералистского, вечевоего или майданного, и государственного, самодержавного. Поздние проявления первого начала «прошлой русской свободы» Костомаров видел в народных бунтах и казатчине. «Мы симпатизируем им, - утверждал Костомаров, - поскольку они являются выражением стремления к свободе, но успех их, доведись им одержать победу, стал бы лишь другим выражением того же начала, против которого они боролись». Самодержавное начало Москвы, на «*украинофильский*» взгляд Костомарова, чудовищно – и в то же время исторически неизбежно, только такие безнравственные как Иван Грозный, государственные люди Москвы могли достичь исторического успеха. Однако «мысль об отделении малой России от империи - отмечал Костомаров - в одинаковой степени нелепа, как мысль о самобытности всякого удельного княжения, на которые когда-то разбивалась Русская земля» [16, с. 3].

Однако ситуация для системного анализа этногенеза ещё сложнее. По мнению Гумилёва, украинский этнос состоит из девяти субэтносов, различающихся и по ландшафту обитания, и по времени вхождения в Украину, и даже по этническому субстрату (*Буковина, Подолия, Полесье, Закарпатье, Галиция, Северская земля, Крым, Новороссия и Слобожанщина*). При таком раскладе гражданское противостояние на востоке Украины было неминуемо. Вопрос о статусе русского языка стал лишь поводом, как, например, ущемление православия во времена Речи Посполитой. Химеры, созданные в русском этническом поле при помощи поляков и австрийцев на западе и большевиков (коммунистов) на востоке соединились и после распада СССР «*рванули*» как мощная бомба [16, с. 2].

Увы, такое положение вещей укоренилось, видимо, всерьёз и надолго. С тех пор как, в Украине западно-украинская бандеровская идеология признана чуть ли не официальной доктриной государства, почти каждый стал бандеровцем, независимо от национальности, родного языка и культурных предпочтений. Стало модным придавать своей внешности лёгкую воинственность или даже наколоть «свастику» подобную татуировку. «Восточная Европа становится всё сильнее похожа на Россию: авторитарная, узколобая, расистская... настало время осознать неприятную вещь: таким западным ценностям, как либерализм, толерантность и равноправие, противостоят восточные ничемности – расизм, невежество и узколобость» (*делает вывод немецкий леволиберальный журналист и бизнесмен Якоб Аугштайн*) [17].

Германия, единственная из западноевропейских стран, испытала в XX веке все три идеологические направления – консервативное, социалистическое и либеральное. Однако первые два, по мнению писательницы и общественной деятельницы графини Марион Дёнхофф, были существенно извращены: консервативное – Гитлером, доведя до абсурда все ценности правых, а идеология левых – Сталиным с его «*брутализацией*» социализма [18].

Тотальное господство партийной номенклатуры в СССР после Сталина, формализм в идейно-теоретической подготовке коммунистов и отрицание «*ревизии*» как общепринятой научной процедуры неизбежно превращали марксистско-ленинскую теорию в догматизированную систему воззрений, оторванную, в частности, от логики и методологии науки [21, 22].

Прорыв всей этой громоздкой и угрюмой плотины, сковывавшей естественное течение общественной и духовной жизни страны, произошёл в апреле 1985 года. Однако декларируемый новый нравственный статус социализма обернулся не только политической смертью для авторитарной идеологической системы, порождением которой был, например, Михаил Суслов или в Латвии Альфред Рубикс, но и гибелью самого СССР.

В результате либеральное направление практически поглотило остальные направления, и осталась одна либеральная идеология глобальной рыночной экономики с претензией на исключительность или даже единственность. Возможны разные комбинации отмеченных выше направлений, а попытка изобрести «новую» идеологию на деле, видимо, сводится к одной из таких интегральных комбинаций. Создание, например, сбалансированного конвергентного, по сути, социалистического общества для России могло бы вобрать в себя лучшие национальные и социальные – социалистические черты прошлого развития России (СССР) и современной западной социальной системы.

По признанию немецкого государственного деятеля Франца Й. Штрауса в беседе с Михаилом Горбачёвым при посещении Москвы в декабре 1987 года: «Капитализму присущи отдельные элементы социализма, причём порой в гораздо более развитой форме, чем в социалистических странах. Основная разница заключается в частной собственности на орудия и средства производства. Но и здесь история ещё примет своё решение...».

В то время, как либеральный Запад провозглашает новыми ценностями фактический отказ от христианства, мультикультурализм и глобализацию, Россия, как «наследница византийского принципа культурной мозаики и равноправия культур», защищающая христианство, традиционные ценности и вступающая в противостояние с агрессивным исламом, начинает выглядеть привлекательно.

Неолиберальная система явно не справляется с ситуацией в мире. Пределы глобализации достигнуты. Международные институты и глобальная финансовая система не обеспечивают стабильного поступательного развития. Системный кризис неолиберализма с его глобалистской идеологией разразился из-за столкновения с реальностью [25]. Глобализация в нынешнем виде может развиваться дальше только с использованием военных средств [26]. В этой ситуации вариант для Европы, видимо, остаётся один: это возвращение «забытых» конституцией ЕС ценностей христианства, которыми исторически обосновано социальное государство и справедливое общество нового типа. Если либерализм предполагает приоритет такой ценности, как свобода, социализм – социальной справедливости, то консерватизм, в отличие от либерализма и социализма, не содержит в себе готовых абсолютных ценностей.

Главная проблема консерватизма – самоопределение и неоднозначность вектора его развития. Ведь в одном случае мы имеем дело с вектором консервативного либерализма (*либерализма с консервативной стилистикой*), а во втором – с консервативным социализмом, пытающимся соединить идеи традиционных ценностей (*в т.ч., православия*) и социальной справедливости. Однако речь идёт не о конкретной традиции, привязанной к некоей эпохе, а о связи разных эпох и непрерывности исторического, социального и религиозного опыта народа [26].

Нам всем предстоит искать и, хотелось бы, найти «при жизни нынешнего поколения» этот «системный баланс» *свободы, справедливости и эффективности* в условиях глобального кризиса идеологии либерализма. Причём идеологию будущего нельзя рассматривать как абстракцию в отрыве от техноэкономических и биотехнических факторов, их эффективности и безопасности (*термоядерный синтез, биогенная инженерия, ноосферная реальность и др.*). И эти серьёзные вызовы времени учёным - обществоведам нельзя сводить к упрощённому анализу «марксистского наследия», совершенно справедливо предупреждая о тупиках как «оголтелого либерализма», так и «классического ортодоксального марксизма» [21, 22]. Глобальная безопасность может быть обеспечена только через международное право как производное от морально - нравственной базы человечества, если о таковой можно говорить.

Факты нашего времени указывают на необходимость сочетания социалистических и капиталистических начал, принципов планового и рыночного хозяйствования. Умелая их комбинация приводит к решению наиболее важных задач развития общества: повышению духовной свободы граждан и всестороннему развитию личности или человеческого потенциала; социальной справедливости и высоким темпам экономического роста. Возвращение к Марксу в этой связи столь же неизбежно, сколь неизбежен, видимо, был наш переход к рыночной экономике капиталистического типа. Именно этот переход заставляет нас отнести к Марксу с той же серьёзностью, которую он, несомненно, заслуживает, позволяя увидеть в его учении не то, за что его выдавали при советской власти, а чем оно является на самом деле.

Практика социализма XX века и последующий ход мировых событий подтвердили также справедливость ряда воззрений полемизирующих с Марксом критичных умов, наиболее выдающимися из которых были П.А. Кропоткин, М.А. Бакунин и А.И. Герцен [27]. Яблоком раздора стало то, что они ставили под сомнение основополагающие идеи Маркса о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Горячо сочувствуя рабочим Французской революции 1848 г., свидетелем которой был Герцен, он видел их не только распевающими «Марсельезу», но видел и то, как они грабили и поджигали дворцы и особняки. Насилие, по Герцену, неизбежно порождает ответ, образуя замкнутый круг, из которого трудно вырваться [27, с. 13].

В одном из писем Председателю СНК Ульянову-Ленину П.А.Кропоткин писал: «Бросаться в красный террор, а тем более брать заложников... недостойно социалистической революционной партии и позорно для её руководителей... Открыть эру красного террора – значит признать бессилие революции... Полиция не

может быть устроительницей новой жизни. А между тем, она (полиция) становится теперь верховной властью в каждом городе и деревушке. Куда это ведёт Россию? К самой злостной реакции!» [27].

За годы после смерти Маркса теория коммунизма как сменщика капитализма нигде не подтвердилась. История показала, что претворение в жизнь идеи диктатуры пролетариата чревато диктатурой отдельных личностей, попранием демократических свобод или даже тоталитаризмом. В статье «Коммунизм» Михаил Бакунин ещё в 1843 году писал: «Это не свободное общество, не действительно живое объединение свободных людей, а невыносимое принуждение, насилем сплочённое стадо животных, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни...». «Государство, даже коммунистическое, о котором мечтают последователи Маркса... поручая своей бюрократии заведовать обработкой земли и выплачивать заработок крестьянам... привело бы к ужасной неурядице, к плачевному расхищению и к гнуснейшему деспотизму» [28].

Маркс упрекал Бакунина в «панславизме» - желании объединить все славянские народы против основных европейских государств, а Бакунин обвинял Маркса в «пангерманизме». Тем не менее, в написанном в 1871 г. эссе «Мои отношения с Марксом» Бакунин признавал: «Маркс – человек очень большого ума и учёный в самом широком и серьёзном смысле этого слова» [27].

Категория «общественно-экономической формации» Маркса, вместе с материалистическим пониманием истории, явилась, пожалуй, главным «системным продуктом» конкретного научного анализа различных типов общества с их историзмом и целостностью охвата (*вопрос особого «азиатского способа производства» остаётся неясным до сих пор*). Вклад Маркса в науку связан, прежде всего, с его критикой капиталистического производства и соответствующих ему форм сознания. Пока жив капитализм, жив и марксизм, что не исключает дальнейшей трансформации капиталистического общества, пересмотра и ревизии важнейших положений марксистской теории, как и коррекции самого формационно-исторического подхода Маркса при выработке новой идеологии государства. «Именно крушение социализма в самом его торжестве, — писал С.Л. Франк, — образует какой-то многозначительный поворотный пункт в духовной жизни человечества, ибо вместе с социализмом рушатся и его предпосылки — та гуманистическая вера в естественную доброту человека, в вечные права человека, в возможности устройства земными человеческими средствами земного рая, которая в течение последних веков владела всей европейской мыслью» [24, с. 16].

Учитывая состояние современной исторической науки и социальной науки в целом, поборникам западного опыта существования разных «историй» об одной фактической истории людей, не мешало бы прислушаться к словам крупного нидерландского историка Йохана Хёйзинги, который в середине XX века с грустью писал: «Самое досадное — это заметное повсюду безразличие к истине - *indifference a la verite, достигающее своей кульминации в открытом публичном восхвалении политического обмана*» [19].

Марксов проект гуманизма в своих основаниях несет определённую ответственность за бесчеловечные результаты его практического применения и нуждается в критическом переосмыслении, поскольку тесно связан с определённым пониманием человека, его порабощения и условий его освобождения. Однако это не может служить основанием для отрицания первоначальных гуманистических устремлений этой концепции, а принятие новой перспективы гуманизма связано с глубинными трансформациями современной цивилизации, с вопросом выживания или гибели самого человека, со своеобразным антропологическим выбором [3].

Именно трезвый и реалистический анализ человека, его культурного и социального мира свидетельствует о неустраимой роли идеалов, ценностных систем и нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых и без которых вся человеческая деятельность теряет смысл и критерии оценки. Поиск новой системы идеалов является сегодня, пожалуй, именно для России самым трудным, но, наверное, и самым важным делом, так как лишь на этом пути возможен выход из того духовного, культурного и социального кризиса, который переживает страна. Имеется много оснований считать, что наиболее развитые страны вступают ныне в стадию информационного общества, когда мерилем богатства становится производство, распространение и потребление знания. Знания, зафиксированные в текстах (*на бумаге, на дискетах, в памяти компьютеров*) — это основа всей современной цивилизации. Именно отношение к знанию, к возможностям его создания и использования, все в большей степени будет определять и социальное расслоение общества, и разделение на страны и регионы с точки зрения их места и влияния в новом мировом порядке [3].

Ряд философских идей К. Маркса, относящихся к разработке деятельностного подхода к пониманию связи деятельности, коммуникации и познания, как раз работают на неклассическую эпистемологию. В наиболее заостренной и парадоксальной форме деятельностная позиция в изучении мышления была выражена Г. П. Щедровицким. Он считал, что мышление в деятельности научных коллективов может рассматриваться как субстанция, развивающаяся по собственным объективным законам [20]. При этом нужно сказать, что в марксовом понимании деятельности существует один изъян, который сказался на разработках деятельностной тематики в СССР. Дело в том, что исходной и привилегированной формой деятельности считается труд. Такое понимание связано с идеей «базиса и надстройки» — идеей, которая не

выдержала испытания временем [3]. Сегодня труд всё больше опосредуется деятельностью в сфере науки, а богатство страны все больше зависит от производства знаний, что связывается нами как с дальнейшей трансформацией капиталистического общества, так и с пересмотром важнейших положений марксистской теории. Надеемся, что обращение к недавней истории Латвии и латышского марксизма поможет его возрождению и в Латвии [21, 22].

Список литературы

1. *Маркс Карл*. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Соч. в 3-х т. Т. 1. Москва, 1970. С. 1-3.
2. *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. Институт философии, Москва, «Канон+», 2005. 688 с.: e-mail: bozhkoyna@mtu-net.ru.
3. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. «Эдиториал УРСС». Москва, 2001: ISBN 5-8360-0225-8.
4. *Кун Томас*. Структура научных революций. 2-е изд. Москва, 1977. 320 с.
5. *Поппер Карл*. Логика и рост научного знания. Пер. с англ., Москва, 1983. 606 с.
6. Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки. Мат. VIII Всес. конф. «Логика и методология науки». Москва, 1982. 260 с.
7. *Ценпфенниг Барбара (Zehnpfennig Barbara)*. Spurensuche in Hitlers Buch “Mein Kampf”: Anleitung zur Welteroberung. Passau. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.amazon.de/Hitlers-Mein-Kampf-Eine-Interpretat/> (дата обращения: 05.03.2019).
8. *Розенвалд Кристиан (Rozenvalds Kristians)*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://imhoclub.lv/user_abgut/1165/ (дата обращения: 05.03.2019).
9. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Соч. в 15 т., Т. 3. Минск, 1997. 640 с.
10. *Тойнби А.Дж.* Исследование истории (Возникновение, рост и распад цивилизаций). Пер. с англ. Кожурин К.Я. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 670с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.library.khpg.org/files/docs/1446489707/> (дата обращения: 05.03.2019).
11. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. О смысле истории // Альманах «Восток». № 6 (18). Июнь, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.situation.ru/apl/j_artp_450.htm/ (дата обращения: 05.03.2019).
12. *Конрад Н.И.* // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. Москва, 1965.
13. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. Москва, 1991. 271 с.
14. Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. В 3-х т. Москва, Межд. Центр Рерихов, 2004: e-mail: tv-oasis@mail.ru/ (дата обращения: 05.03.2019).
15. *Вебер Макс*. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М.-СПб. «Центр гуманитарных инициатив», 2017. 656 с.: e-mail: unikniga@yandex.ru
16. *Виноградов Павел*. Русская болезнь украинства // Секретные материалы XX века. № 8 (472), 2017. С. 2-3: e-mail: sales@xfile.ru
17. *Аугштайн Екаб (Augstein Jakob)*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de^Impressum/> (дата обращения: 05.03.2019).
18. *Дёнхофф Марион (Doenhoff Marion GrafIn)*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marion-doenhoff.de/> (дата обращения: 05.03.2019).
19. *Хёйзинга Йохан*. Осень Средневековья. Соч. в 3-х т., Т. 1. Москва, 1995. 416 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000779/> (дата обращения: 05.03.2019).
20. *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования. Ежегодник, ВНИИСИ. Москва. «Наука», 1981. С. 193-227.
21. *Цветков Г.С. К.* Маркс и В. Ленин в мире. О решении современных социальных проблем в материалах международных конференций и съездов // Наука и образование сегодня. Москва, 2018. № 6 (29). С. 44-50: <https://www.scienceproblems.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).
22. *Цветков Г.С.* Марксизм и некоторые аспекты истории современного общества // Наука, образование и культура. Москва, 2017. № 7 (22), С. 18–25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scienceproblems.ru/>(дата обращения: 05.03.2019).
23. *Картунова Л.С.* Изменения климата, причины и последствия // Наука, образование и культура, Москва, 2018. № 1 (25). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scieceproblems.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).

24. *Франк С.Л.* Духовные основы общества .Введение в социальную философию // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Ленинград, 1991. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libking.ru/books/religion/414016-semen-frank/> (дата обращения: 05.03.2019).
25. *Лупан Виктор.* Под аккорды «Марсельезы» // Литературная газета. № 51 (6672). С. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lgz.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).
26. *Щипков Александр.* На пути к новому русскому консерватизму // Литературная газета. № 46 (6667). С. 5: <https://www.lgz.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).
27. *Цаголов Георгий.* Даже гении предвидят не всё // Литературная газета. № 49 (6670). С. 12-13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lgz.ru/> (дата обращения: 05.03.2019).
28. *Бакунин Михаил.* Коммунизм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/istoch/Бакунин%20М.%20Коммунизм.htm/ (дата обращения: 05.03.2019).